

Ирина ВИЛЬЧИНСКАЯ

САМЫЙ «КИЕВСКИЙ» ОСОБНЯК СЕМЁНА МОГИЛЕВЦЕВА

Киев всегда был особым городом, это отмечали разные люди, посетившие его в разные времена. Он обладал каким-то своим, особенным шармом, в нем царил особый дух. Кто-то ощущал здесь присутствие некой легендарной древности, исходившей от былинных Гончаров, Кожемяк, Подола, кто-то — с трепетом припадал к артефактам времен христианизации Руси, кто-то просто не мог оторваться от созерцания могучих разливов Днепра у подножья киевских круч. Он обладал удивительной, почти мистической, притягательностью и силой, способной не только восхищать, но и изменять, преобразовывать и направлять в творческое, созидательное русло потенциальные способности неординарных личностей.

Одной из таких личностей был купец I гильдии Семён Семёнович Могилевцев. Происходил он из старообрядческой семьи брянских купцов-лесопромышленников. Приехав в 1876 году в Киев, тридцатичетырехлетний Семён Могилевцев быстро сориентировался: при строительной горячке, начавшейся в городе в последней четверти XIX в., лесопромышленный бизнес обречен на коммерческий успех. Он построил на Оболони деревообрабатывающий завод на сплавляемой по Припяти древесине, с первой в городе лесопилкой на паровой тяге. Она приносит огромные доходы, превратив хозяина в «миллионщика». Молодой, активный, предприимчивый заводчик быстро продвигается по общественной лестнице и, не занимая ни одной государственной должности, избирается председателем Киевского биржевого комитета и почетным членом многих попечительских советов и благотворительных организаций [4, с. 326–329; 3, с. 4–16].

Так и не обзаведясь семьей, Семен Могилевцев, будучи достаточно скромным в быту, почти весь свой «киевский» период прожил в съёмном двухэтажном домике на Подоле, неподалеку от своего завода. Но его общественный статус требовал более презентабельных апартаментов, которые позволяли бы осуществлять на должном уровне как деловые встречи, приемы, так и увесели-

тельные мероприятия, концерты, совмещающие и благотворительные акции. Для этой цели и был построен роскошный особняк в аристократических Липках, ставший своеобразной «визитной карточкой» его владельца.

Среди сотен киевских дворянских и купеческих особняков, которые, как грибы после дождя, выростали на улицах города во время строительного бума на грани XIX–XX веков, этот особняк был выделен киевлянами и даже получил имя собственное — «Шоколадный дом». Это говорит о признании жителями города не только оригинальности оформления его фасадов и интерьеров, но и более глубоком восприятии его, как истинно киевского «продукта».

Для понимания этого киевского явления следует обратиться к истокам возникновения киевской культурной традиции как фундаментальной основы, которая сформировала эстетическую и ментальную среду киевской субкультуры конца XIX столетия.

История Киева насчитывает более полутора тысяч лет, в течение которых формировалась история современной культуры и архитектуры, как ее неотъемлемой части. Удивительным образом город, прошедший через горнило истории, находящийся часто в эпицентрах социальных потрясений, революций, войн, сумел сохранить памятники архитектурного культурного наследия разных эпох. В том числе, одной из наиболее ранних — древнерусской. Ведь именно архитектура, как наиболее монументальная и наглядная часть материальной культуры общества, выполняет роль стратиграфического среза в культурной сфере, позволяя визуализировать те изменения и веяния, которые приходили и уходили вместе со сменами эпох. Можно рассматривать историю архитектуры с различных позиций. По упрощенной схеме это простое наследование наработкам культурной Европы. С другой точки зрения — привязка к смене общественно-политических систем и, соответственно, преобладающей идеологической составляющей. Для Киева, вероятно, справедливым может быть и то, и другое, но все это, проходя через сформировавшуюся и сохраняемую киевскую культурную традицию, приобретало свой, специфический шарм и оттенок.

Историк архитектуры, доктор искусствоведения Г. Н. Логвин выделяет в развитии украинского искусства две вершины достижений — в XI–XII и в XVII–XVIII веках [5, с. 53–54]. Огромным вкладом, даже фундаментом для формирования культуры Киевской Руси стала ее христианизация с последующей «византинизацией». Она выражалась не только в строительстве первых каменных христианских храмов, пришедших на смену деревянному зодчеству и их невиданному доселе декорированию греческими же мастерами, не только в перенесении на киевскую почву византийской обрядности, но и в постепенном слиянии византийской и древнерусской культуры. В результате чего появляется богатейшая культура Киевской Руси, которая, сохраняя черты

«первоисточника», в дальнейшем развивает и совершенствует их. Украинское искусство вообще невозможно понять без понимания творческого наследия Киевской Руси, которое обозначило на многие столетия его содержание, форму и стилистику [11, с. 5–21]. Свидетельством мощного влияния княжеского периода на дальнейшее развитие киевской и вообще украинской культуры является хотя бы тот факт, что образы киевских князей — Владимира Крестителя Руси, Ярослава Мудрого — продолжателя дела отца, сохранялись в памяти всего восточного славянства, как образы, увенчанные в веках немеркнущим светом народной любви, и объекты духовного притяжения. С этими именами был неразрывно связан и образ Киева, как знакового, сакрального места памяти той великой эпохи. Соответственно, к Киеву, как к духовной «Мекке» всего восточнославянского христианского мира, было соответствующее пристальное внимание и отношение. Будучи по административному значению городом губернским, провинциальным, Киев всегда оставался духовной православной «столицей» и символом триумфа христианства над язычеством. Память об этом не выветрилась ни после трагических событий 1240 года, ни после последовавших за этим опустошительных набегов кочевников, ни после десятилетий внедрения католицизма вследствие подписания Унии.

Проникающие сюда западные веяния, с одной стороны, оказывают несомненное влияние на развитие культуры, искусства, в том числе и церковного. С другой стороны, они уравновешиваются местными не забытыми со времен Киевской Руси традициями. Огромное влияние на формирование общественных вкусов, культурного пространства Киева оказывают такие знаковые фигуры XVII–XVIII веков, как Пётр Могила, Иван Мазепа. Первый — возвращая православной церкви ее приоритетное значение через возврат в ее лоно величайшей христианской святыни — Софии Киевской. Эта древнейшая митрополичья кафедра со времен Киевской Руси осознала как зримый отклик на христианизацию целого народа. Кроме того, он начинает переориентацию «церковного и интеллектуального Киева на поиск опоры в русской княжьей традиции и благородной элите». Именно он взялся за возобновление древних киевских храмов, ремонт и отстройку Десятинной церкви — первой церкви, возведенной князем Владимиром после крещения Руси, Софийского собора, Спаса на Берестове... [9].

Второй, Иван Мазепа, будучи европейцем по образованию, стилю жизни, мировоззрению, осознал себя одновременно правителем Украины как преемницы традиций Киевской Руси. И, соответственно, позиционировал себя продолжателем дела Крестителя Руси. Тем самым, продолжая могилянскую линию прославления Владимира и христианизации Киева, Мазепа возрождает историческую память в массовом сознании. Он органично накладывает запад-

*Семён Семёнович Могилевцев
(1842, Брянск — 1917, Киев)*

ную «европеизацию» на древнерусскую православную основу. Так, в Софии по его замыслу была обустроена нарядная и триумфальная, в духе времени и эстетических западных вкусов капелла, где лейтмотивом звучит тема величания князя-Крестителя и всех, причастных к этому событию. Но, в действительности, в исторических образах Владимира и Ольги, фланкирующих алтарную часть придела, по мнению профессора Н. Н. Никитенко, завуалированы образы самого Ивана Мазепы и его матери, принявшей в постриге имя Марии Магдалины [7, с. 68–83]. Благодаря стараниям Мазепы, барокко оставило глубокий след в архитектурно-художественном облике Киева, особенно церковного, именно он инициировал и финансировал возобновление в новом стиле большинства старинных киевских храмов.

В XVIII веке барокко уже смело внедряется в облик Киева. Не только храмовые, монастырские здания облачаются в парадные одежды украинского или казацкого, как его называют исследователи, барокко. Это и дворцовые комплексы, и дворянские особняки. Барокко бурно развивается здесь, приобретая все более вычурные формы. Но все это представляется локальными объектами, если учесть, что до первой трети XIX века древнее ядро Киева не имело сплошной застройки и состояло из трех локализованных районов — Подола, Старокиевской горы и Печерска. Отдавая должное роли украинского барокко

в подъеме статуса и качества киевской архитектуры, киевская исследовательница Т. В. Скибицкая также отмечает при этом эпизодичность строительных всплесков и отсутствие нового масштабного направляющего строительного вектора в градостроительном поле Киева [10, с. 11–12].

Разительные перемены в урбанистическом облике Киева начинают происходить с 1830-х. 7-го января 1834 года было издано «Высочайшее положение об устройстве Киева», которое положило начало грандиозным преобразованиям городского пространства и наполнения его новыми символами исторической памяти, обращенной все к той же, княжеской поре Владимирова княжения. Открывается Киевский императорский университет св. Владимира, коштом курского помещика А. Анненкова по проекту петербургского архитектора В. П. Стасова разворачивается строительство новой Десятинной церкви на месте древнего храма X века, принято решение Святейшего Синода о строительстве нового собора во имя св. Владимира, торжественно открывается памятник св. Владимиру на месте крещения им киевлян. Одновременно началось «освоение» центральных площадей, примыкающих к трем основным вышеназванным районам и застройка их купеческими и дворянскими особняками. В частности, интенсивно и планомерно начинается застройка киевских Липок, соединяющих Печерск и Старокиевское нагорье и получившего свое название от раскинувшихся здесь липовых рощ,

Наиболее активным участником преобразовательных процессов в Киеве, как и в масштабах государства в это время, стало купечество. Этому были объективные предпосылки.

XIX век вносит глобальные изменения в социально-экономическую жизнь государства и Киева. Капитализм ломает стереотипы общественного поведения. Новым влиятельным сословием становится купечество, пришедшее на смену аристократам благодаря своим деловым, финансовым, предпринимательским качествам, активной общественной позиции. Именно купечество становится основой нового класса — буржуазии. Вышедшее, по большей части, из низших слоев населения, часто неграмотного, лишенного привилегий дворянства и аристократии, купечество жадно вбирает в себя ставшие теперь более доступными источники знаний, культуры, просвещения. Сложившийся, к сожалению, негативный собирательный образ купца, знакомый нам со школьной скамьи, благодаря прошедшим советскую цензуру классикам, — это образ мироеда, разнузданного прожигателя жизни или, наоборот, домостроевского тирана, живущего в своем узком мирке — «темном царстве». Такой образ сформировался благодаря сатирико-критической направленности в литературе XVIII–XIX веков, которая в России стала одновременно и наиболее адекватной формой выражения общественного сознания, и создателем либо

Фрагменты интерьера «Шоколадного дома»,
Киев, улица Шелковичная, 17/2, архит. В. Н. Николаев, 1899 г.

разрушителем определенных стереотипов поведения, тех или иных общественных авторитетов.

В действительности же, купечество — целый пласт общества, давший интереснейшие образцы представителей своей среды [2, с. 84–174]. Наряду с вышеназванными чертами купцы и их потомки были носителями общественно привлекательных и полезных черт. Благодаря природной предприимчивости, деловому чутью, финансовым возможностям и тем новым знаниям, доступ к которым стал открытым, они активно развивают экономику государства, переходя от патриархальных к новым формам хозяйствования, становятся наиболее активной движущей силой в преобразовании общественной жизни. Не следует забывать, что немалая часть купеческого сословия имела старообрядческие корни, традиционно сохраняла традиции в менталитете, в быту. В частности, благочестие, трудовую дисциплину, твердые семейно-бытовые и моральные устои. Им свойственна благотворительность в самом широком спектре, строительство храмов, приютов, богаделен, больниц. Получив доступ к образованию, просвещению, познакомившись с культурой европейских стран, представители купеческих родов сами превращаются в носителей и при-

умножателей культурных традиций. Многие из них становятся собирателями древностей, диковин, предметов искусства, книжных собраний. В романе «Девятидесятники» А. В. Амфитеатров дает любопытную характеристику С. И. Мамонтову, как представителю нового поколения меценатов, отличных от первых собирателей и коллекционеров из купечества «Миллионер, железнодорожник и кругом артист. Оперу держит, картины пишет, стих сочиняет, бюсты ваяет, баритоном поет, Цукки танцы показывал, Шаляпина открыл и на ноги поставил, Васнецова в люди вывел, Косте Коровину дорогу расчистил, теперь с Врубелем возится, как мать с новорожденным... Куда ни двинь его в искусстве, с какой стороны ни тронь, во всем знаток и работник...» [1].

При этом, сосредоточив в своих руках немало средств, купечество, конечно, не забывает и себя. Собственные особняки теперь обустраивает сообразно не только традициям и бытовым особенностям, но и новым веяниям, привнесенным новыми временами.

Все эти свойства ярчайшим образом проявились в Киеве, его экономической, социальной, культурной сторонах жизни, отразились на его архитектурном облике. В Киеве собирателями, просветителями, благодетелями были известные купеческие династии Терещенко, Ханенко, Бродские, Галаганы, многие другие. Бурно развивающийся, расстраивающийся губернский центр притягивает, обещая широкие возможности для развития предпринимательства и обогащения представителей различных регионов России, людей, занимающихся разнообразными видами деятельности. Киевское купечество представляет собой изначально очень разнообразную публику. Это сахарозаводчики, торговцы лесом и другими стройматериалами, поставщики зерна, крупные землевладельцы и банкиры, объединенные деловой хваткой, предприимчивостью, умением быстро приспосабливаться к столь же быстро меняющимся обстоятельствам.

Именно таким сметливым, предприимчивым, удачливым бизнесменом был Семён Могилевцев. Имея живой ум и смекалку в деле, он обладал еще и свойственным своему сословию качеством — быстро схватывать все новое, живо проникаться новыми идеями, знаниями. Могилевцева не мог не заинтересовать Киев с его богатейшей историей, памятниками, которые визуализировали эту историю, легендами, которые окружали эти памятники. Киев проникал в его жизнь, в его быт, в его мировоззрение. Не зря семена жертвенности, благотворительности, заложенные в брянской семье Могилевцевых (их благотворительность в родном городе до сих пор не забыта), дали щедрые всходы на киевской земле. Недаром известный киевовед В. В. Ковалинский отмечает, что благотворительность в это время является неотъемлемой частью киевской жизни, и это явление здесь по масштабам превосходит все другие города Российской империи [4, с. 4].

Для постройки особняка Семён Могилевцев выкупает участок земли у семьи баронов Икскуль-Гильденбанд во вновь застраиваемом аристократическом районе, в центре Киева. В качестве исполнителя заказа выбор пал на личность неординарную — авторство дома приписывают главному городскому и епархиальному архитектору, великолепному знатоку архитектурных стилей Владимиру Николаевичу Николаеву. Он создал не один десяток не только гражданских строений, особняков, но и такие архитектурно-церковные «изюминки» Киева, как Николаевский собор Покровского монастыря, Трапезная церковь Киево-Печерской Лавры. Свой след оставил он и во Владимирском соборе, воздвигаемом в память о 900-летию Крещения Руси. Имея широкое поле для эксперимента и воплощения самых смелых архитектурных идей, мощно подкрепленное финансовой свободой, Николаев создает очень «киевский» особняк, превратившийся в одно из самых привлекательных и удивительных его творений, получивших признание у киевлян. Проходя по залам, воссозданным сегодня реставраторами, будто перелистываешь архитектурную историю Киева, попадая из одной исторической эпохи в другую. В это время возрастает интерес к стилям прошедших эпох, в них идет поиск новых идей, ретроспективное воплощение тех или иных стилиевых деталей при новых технических возможностях. Процесс происходит, без сомнения, преломляясь через киевскую культурную традицию, через историко-архитектурные наработки, которые сформировались здесь, в Киеве. Немаловажную роль сыграл и возобновившийся интерес к искусству Киевской Руси, возникший в первой половине XIX века после открытия софийских фресок клирошанами Софийского собора, киевским археологом Смарагдом Крижановским и академиком Ф. Г. Солнцевым, и подогретый приближением юбилейной даты Крещения Руси. В это время в Российской империи изучение и сохранение памятников старины становится государственной программой, инициатором которой выступал сам император [8, с. 55–56]. И в Киеве, колыбели восточнославянского христианства, безусловно, эти памятники сохранились. Не зря паломничество к киевским святыням было общепринятым правилом не только для простого люда, но и для сановных вельмож и представителей царской фамилии. Напоминанием об этом служат и сегодня Марииинский и Кловский дворцы, построенные для царских особ в качестве резиденций во время посещений святых мест «Матери городов русских».

Неслучайно и декор самого «сердца» особняка — парадного кабинета хозяина, вобрал в себя детали византийского и древнерусского стилей. А, если учесть, что в этом особняке не была обустроена домовая церковь, по сложившейся еще в более раннее время среди дворянства и купечества традиции, то вполне можно предположить, что кабинет этот мог служить и символической молельней. В пользу этого говорит не только старообрядческое происхож-

дение рода Могилевцевых и глубокая привязанность Семена Семеновича к семейным традициям, но и тот факт, что он был старостой при Домовой церкви губернатора Левашова, находившейся в его особняке по соседству с «Шоколадным домом». На такой «тематический» выбор стиля для кабинета хозяина особняка не могла не повлиять историко-ностальгическая атмосфера, которая царяла в Киеве в это время. Сегменты падуги кабинета были украшены десятью картинами-иллюстрациями к роману А. К. Толстого «Князь Серебряный», выполненными на металлических листах масляными красками украинским художником С. И. Светославским (сейчас хранятся в фондах Национального Художественного Музея Украины) [6, с. 3–6]. Подобная техника была широко распространена в практике написания церковных икон в этот период. Достаточно вспомнить иконы из иконостаса Кирилловской церкви, написанные Михаилом Врубелем. Весь облик кабинета — с потолком, расписанным фантазийными орнаментами по темному фону, резными деревянными и тонированными под дерево гипсовыми деталями, напоминающими узорчатую вязь книжных миниатюр, будто погружает нас в эпоху княжеской Руси. Находясь в этом кабинете, осознаешь, насколько дух Киева, его культурные традиции отразились в интерьере.

Белый зал, как наивысшая точка «звучания» особняка, призванный ошеломить гостей изысканной роскошью бело-золотого интерьера, вообрал в себя помпезность ампира, смягченную вычурностью форм рококо, соединил отголоски украинско-казацкой героики с мотивами западного романтизма. Выполненные из гипса факелы, колчаны со стрелами соседствуют с музыкальными инструментами, купидонами, пышными цветочными гирляндами, огромным венецианским зеркалом. Мариинский дворец, царская игрушечная Андреевская церковь и множество иных сооружений, либо построенных в похожей стилистике, либо по-новому декорированных соответственно ей, наверняка повлияли на выбор Николаева. В пышно оформленном белом зале проходили торжественные встречи, приемы, благотворительные концерты.

Камерный зал, носящий признаки будуара, оформлен в стиле «модерн». Несмотря на почти эфемерную продолжительность модерна, силу его воздействия на сознание можно сравнить с влиянием искусства барокко, развивающегося на протяжении столетий. Киевскому модерну суждено было положить конец длительной градостроительной паузе, прервав «летаргический» сон, наступивший после бароккового «всплеска». «Собранный и напряженный накоплениями мирового опыта, вооруженный его признанным авторитетом, киевский модерн оставил в ней (архитектурной партитуре. — *И. В.*) свою яркую, узнаваемую с первого взгляда градостроительную лепту» [10, с. 12]. Просуществовав здесь всего около двух десятилетий, он буквально преобразил целые

кварталы центральной части города, дополнив природные ландшафты вычурными формами новых зданий и населив их фасады фантастическими животными и растениями. В качестве основной заслуги модерна Т. В. Скибицкая выделяет возврат к «диалектическому ансамблевому вектору», который не просто гармонично соединяет строения и ландшафт, но предполагает такую форму градостроительного мышления, при котором предусматриваются пути ансамблевого строительства и его продолжения. «Нежная элегантность и романтика» модерна [10, с. 16] царит в комнате, которая соединила западноевропейскую изысканность оконных витражей, театральность мотивов афиш Адольфа Мухи с традиционными народными мотивами растительных элементов, будто сошедших с украинских предметов декоративно-бытового искусства.

Данью моде можно считать и ретроспективное обращение к мавританским мотивам и стилю «ренессанс». Огромная столовая, оформленная в стиле итальянского Возрождения, перекликается с оформлением фасадов особняка, декорированных под итальянское палаццо. Здесь соединились и купеческий размах, с которым обставлялись щедрые застоля, и роскошь оформления средневековых дворцов венецианских дождей. Росписи стен имитируют тяжелое полотно гобеленов, облицовка стен деревянными дубовыми профилированными панелями в сочетании с тонированными под дерево гипсовыми кессонами с имитацией тканевой же драпировки, великолепные резные двери, стилизованная мебель — все это создает атмосферу, располагающую к трапезе и общению. Встроенный в одну из стен, замаскированный деревом панели лифт, соединяющий столовую с кухней, размещенной в подвале — дань научно-техническому прогрессу грядущего века.

Эпоха наполеоновских войн подхлестнула интерес к экзотическому искусству дальних стран, восточному колориту, включив его детали в оформление быта. В мавританском стиле вельможи украшают курительные, кофейные комнаты, создавая особую атмосферу и придавая особенный колорит этим занятиям. «Шоколадный дом» не исключение — между Белым залом и залом «Ренессанс» появился Мавританский зал со всеми присущими этому направлению атрибутами. Стены декорированы резными узорными гипсовыми панелями, щедро украшенными арабесками. Между ними и кессонным потолком расположен широкий фриз, состоящий из пяти орнаментальных полос с различными деталями — от геометрических до растительных элементов. О предназначении этого помещения можно только догадываться — мощная вытяжка, замаскированная чугунной узорной решеткой, как бы намекает на «курительную» функцию, однако курительной была угловая комната с выходом на балкон и ступенями в сад.

Реставраторам удалось восстановить более 70% аутентичного декора до-

ма, что позволило сравнить его интерьер с сохранившимся интерьером других киевских особняков, автором которых был В. Н. Николаев, в частности, с интерьером особняка Либермана. Сравнение позволяет с большой долей вероятности говорить о причастности главного городского архитектора к этому творению. Особенности интерьера особняка Семёна Могилевцева свидетельствуют не только о мастерстве архитектора-стилизатора, но и о глубоком проникновении и влиянии киевских художественных традиций, берущих начало из глубины веков и бережно сохранившихся здесь, на творчество талантливых мастеров последующих поколений.

Входной парадный портал, предвещающий мраморные ступени лестницы, украшает скульптурная композиция. Три ее элемента — обвитый змеями кадучей, жезл Меркурия, символ неизменной коммерческой удачи, мудрости, согласия; маскароны, символизирующие веселье и радость жизни, опрокинутый вниз рог изобилия, символизирующий жертвенность и благотворительность, — символы основных составляющих всей жизни Семёна Семёновича Могилевцева, купца, библиофила, мецената, благотворителя, человека, сформировавшегося в киевской среде, оставившего свой след в памяти киевлян и построившего такой по-настоящему киевский особняк. Первая станция скорой помощи, Педагогический музей, детская туберкулезная лечебница, трамвайная линия, соединившая Киев и Бровары, многие другие добрые и бескорыстные дела на благо Киева и киевлян, — дары Могилевцева нашему городу, как иллюминированный им крест на памятнике Владимиру-Крестителю, остаются путеводными нравственными ориентирами и сегодня.

Благотворительность и меценатство, во второй половине XIX века получившие широкое распространение в среде киевского купечества, стали также доброй киевской традицией. «Шоколадный дом» — зримое напоминание об этом всем входящим.

1. *Амфитеатров А. В.* Десятилетия : Концы и начала. Хроника 1880–1910 гг. [в 2 т.] [Текст] / А. В. Амфитеатров. — СПб. : Прометей, 1910 — Т. 1 : Московские осколки. — 275 с.

2. *Гончаров Ю. М.* Купеческая семья второй половины XIX — начала XX в. (по материалам компьютерной базы данных купеческих семей Западной Сибири) [Текст] / Ю. М. Гончаров. — М. : Ин-т этнологии и антропологии РАН, 1999. — 244 с.

3. *Кеня И. А.* Семён Семёнович Могилевцев — благотворитель брянский и киевский [Текст] / И. А. Кеня, В. В. Ковалинский. — Брянск : Брянск. регионал. обществ. благотворит. фонд имени братьев Могилевцевых, 2009. — 20 с. : 28 ил., фото.

4. *Ковалинский В. В.* Меценаты Киева [Текст] / В. В. Ковалинский. — К. : Северин-Пресс; Кобза, 1995. — 368 с. : 121 ил.

5. *Логвин Г. Н.* Украинское барокко (Византия и Запад) [Текст] / Григорий Логвин // Le baroque

de l'Europe occidentale et la monde Byzantin / Colloques scientifiques de l'Academie Serbe des sciences et des arts. — Beograd, 1991. — Vol. LIX: Classe des sciences historiques. — Vol. 18 : Западноевропейски барок и византииски свет. — С. 53-59.

6. Мокроусова О. Интер'єр «Шоколадного будинку» — нові знахідки і атрибуції [Текст] / Олена Мокроусова // Пам'ятки України. — 2012. — № 4. — С. 2-12.

7. Никитенко Н. Н. Святая София Киевская [Текст] / Н. Н. Никитенко. — К. : Горобец, 2008. — 384 с.

8. Никитенко Н. Н. Рождение науки о мозаиках и фресках Софии Киевской: феномен Н. Кондакова, Д. Айналова и Е. Редина [Текст] / Н. Н. Никитенко // София Київська : Візантія. Русь. Україна. Вип. IV : зб. наук. праць, присвячена 170-літтю з дня народження Никодима Павловича Кондакова (1844-1925) / Упоряд. Д. С. Гордієнко, В. В. Корнієнко ; Ін-т укр. археографії та джерелознавства імені М. С. Грушевського НАН України. — К : [Б/в], 2014. — С. 51-105.

9. Ричка В. М. Исторична пам'ять про св. князя Володимира Великого в київській культурній традиції XVII-XIX ст. [Текст] / В. М. Ричка // Дьнеслово : зб. праць на пошану дійсного члена Національної академії наук України Петра Петровича Толочка з нагоди його 70-річчя. — К. : Корвінпрес, 2008. — С. 363-368.

10. Скібіцька Т. В. Київський архітектурний модерн (1900-1910-і) [Текст] / Т. В. Скібіцька. — Львів ; К. : Центр Європи, 2011. — 232 с. : іл.

11. Логвин Г. Н. Український середньовічний живопис [Альбом] / Г. Н. Логвин, Л. С. Міляєва, В. І. Свенціцька. — К. : Мистецтво, 1976. — 27 с., 109 табл.

***Вильчинская Ирина.* Самый «киевский» особняк Семёна Могилевцева**

Статья посвящена одному из самых оригинальных особняков Киева, купеческому дому Семёна Семёновича Могилевцева, прозванному киевлянами «Шоколадным». Этот дом воплотил самые смелые решения и фантазии талантливых мастеров, став одной из излюбленных «изюминок» Киева. Автор статьи рассматривает закономерность появления такого истинно киевского явления в контексте киевской культурной традиции, сформировавшейся к началу XX века. Киевская городская субкультура формировалась на протяжении столетий, вбирая в себя лучшие наработки архитекторов, художников, скульпторов, мастеров разных эпох и поколений. Пройдя долгий путь приобретений и потерь, она все же сумела сохранить многие образцы лучших творений мастеров с княжеского периода до наших дней, которые послужили благодатной почвой для вдохновения новых поколений творцов. Не оставаясь в стороне от новых веяний, идей, киевская творческая среда не просто копировала чужие образцы, но преобразовывала их согласно собственной традиции и создавала свой собственный «продукт» — оригинальный и очень «киевский».

Ключевые слова: культура, архитектура, художественные стили, купечество, благотворительность, Киев.

***Вильчинська Ірина.* «Найкіївський» особняк Семена Могилевцева**

Стаття присвячена одному з найоригінальніших особняків Києва, купецькому будинку Семена Семеновича Могилевцева, який кияни прозвали «Шоколадним». Цей будинок втілює найсмівливіші рішення та фантазії талановитих майстрів, ставши однією з улюблених «родзинок» Києва. Автор статті розглядає закономірність появи такого суто київського явища у контексті київської культурної традиції, що сформувалася до початку XX століття. Київська

міська субкультура формувалася протягом століть, вбираючи в себе найкращі напрацювання архітекторів, художників, скульпторів, майстрів різних епох і поколінь. Пройшовши довгий шлях надбань та втрат, вона все ж спромоглася зберегти багато зразків найкращих творінь майстрів з княжих часів і до наших днів, які стали благодатним підґрунтям для натхнення нових поколінь творців. Не залишаючись осторонь від нових ідей, київське мистецьке середовище не просто копіювало чужі зразки, але перетворювало їх згідно своїх традицій та створювало свій особистий «продукт» — оригінальний та дуже «київський».

Ключові слова: культура, архітектура, художні стилі, купецтво, благодійність, Київ.

Vilchinskaya Irina. The most «Kyiv» mansion of Semen Mohylevtsev

The article is devoted to one of the most original mansions of Kyiv named «chocolate» by the townspeople. It's a residence of merchant Semen Semenovich Mogilevtsev. This house has embodied the boldest solutions and fantasies of talented artists, becoming one of the favorite «zest» of Kyiv. The author considers the pattern of occurrence of the Mogilevtsev's mansion as a Kyiv phenomenon in the context of the Kyiv cultural tradition, formed to the beginning of the twentieth century. Kyiv city subculture has been evolving over the centuries. It absorbed the best achievements of architects, artists, sculptors, masters of different eras and generations. She has come a long way of gains and losses but nevertheless has managed to keep many samples of the best works of masters from the princely period to the present day that served as fertile ground for inspiration of new generations of creators. Kyiv creative environment did not remain aloof from the new trends and ideas, it didn't simply copy others' samples but also converted them according to their own traditions and created its own «product» — an original and very «Kyiv» one.

Keywords: culture, architecture, art styles, merchants, charity, Kyiv.